

Марк Минуций Феликс. Октавий

О книге

«Октавий» или «Октавиан» — апологетический трактат Марка Минуция Феликса, написанный в форме диалога. Первая попытка такого рода на Западе. «Апологетик» Тертуллиана частично основан на «Октавии» Феликса. В сущности это даже не диалог, а обмен речами. «Октавий» Марка Минуция Феликса состоит из речи язычника, повторяющего традиционные обвинения в сторону христиан: противоречивость и нелепость христианской веры (Единый Бог, Промысел, воскресение тел, жизнь будущего века и т. д.), безнравственность (оргии, детоубийства и т. д. — обычные обвинения в сторону христиан, хрестоматийный пример виктимных признаков по Жирану), угроза римской культуре. Интересно, что Октавий опровергает всю критику язычника, кроме обвинения в угрозе римской культуре: религия Рима — изобретение бесов, а величие Рима основано не на помощи богов, а на военной мощи и грабежах. Впрочем, Октавий как и большинство христиан отвергает только религиозную и социальную сторону культуры язычников, античная философия привлекается как косвенное доказательство христианской веры (в данном случае в защиту христианской апологии). К этому надо добавить, что творение Марка Минуция Феликса ценится богословами и исследователями не очень высоко. Однако «Октавий» важен как первая латинская апология.

I. Когда я предаюсь размышлению и вспоминаю об Октавии — этом добром и верном моем друге, я испытываю такое наслаждение и прихожу в такое состояние, что кажется сам возвращаюсь в прошедшее, а не в памяти только вызываю представление о минувших, прожитых временах. Образ его тем сильнее запечатлелся в сердце и во всех моих чувствах, чем дальше стал от моих глаз. И не напрасно разлука с таким превосходным, благочестивым человеком оставила во мне безмерное сожаление. Он и сам любил меня так горячо, что как в наших забавах, так и в важных делах его желания были согласны с моими. Можно было подумать, что в нас обоих была одна душа. Он был поверенный в моих увлечениях, товарищ в заблуждениях, и наконец когда я с рассеянием мрака перешел из тьмы неведения к свету мудрости и истины, Октавий в этом деле не только не отстал от меня, но что еще похвальнее — опередил. Итак, когда я в своем воспоминании переносусь к времени нашей совокупной дружной жизни, то прежде всего останавливает на себе мое внимание та беседа, которую Октавий ведь однажды с Цецилием, зараженным суеверием язычества, и которая убедительностью своею обратила его к истинной религии.

II. Для свиданий со мною, а также и по собственным делам Октавий прибыл в Рим; он оставил свой дом, жену и детей — детей, которые находились еще

в невинном младенческом возрасте, когда они начинают только произносить полуслова и их запинаящийся лепет имеет столько прелести. Как велика моя радость при встрече с Октавием — этого нельзя выразить словами, тем более, что ее усиливала самая неожиданность прибытия моего друга. Спустя два дня, которые мы провели во взаимном излиянии дружеских чувств и в рассказах друг о друге всего, что случилось с нами во время нашей разлуки, мы сговорились отправиться в Остию ¹, — одну прекрасную местность, где я пользовался морскими купаньями приятными и благотворными для поправления моего расстроенного здоровья. После трудов по судебным занятиям наступила для меня свобода в пору собирания винограда: в это время осень с приятною прохладой сменяла жаркое лето. Итак, на рассвет, мы отправились гулять по морскому берегу, чтобы подышать свежим, столь укрепляющим тело воздухом и насладиться удовольствием — ходить по мягкому песку, оставляющему на себе следы шагов. С нами был Цецилий; на пути он заметив статую Сераписа ², по языческому обыкновению, поднес свою руку к губам и напечатлел на пальцах поцелуй.

III. Тогда Октавий сказал:

— Не хорошо, брат Марк, человека, который дома и вне дома находится с тобой неразлучно, оставлять во мраке народного неведения, и допускать, что в такой прекрасный день он преклоняется перед камнями, которые только обделаны в статуи, облиты благовониями и украшены венками: ты знаешь, что такое заблуждение Цецилия относится как к его, так не менее и к твоему стыду.

Между тем, как таким образом Октавий говорил мне, мы прошли город и вышли на открытый морской берег. Легкие волны, забежавшие на песчаные края берега, как будто углаживали их для прогулки, море всегда волнующееся, даже и во время безветрия, всплескивало на землю если не седыми, пенистыми волнами, то легкими, колеблющимися струями; нас необыкновенно восхищала игра волн, когда мы стояли на самой окраине воды: они то приближаясь к нам, как бы ласкали наши ноги, то убегая без следа скрывались в море. Таким образом, мы тихо шли по краю немного извилистого берега, сокращая путь занимательными рассказами. Октавий говорил нам о своем плавании по морю. Когда мы среди разговора прошли довольно большое пространство, то той же дорогою отправились в обратный путь. Достигнув того места, где находились вытянутые на берег небольшие суда, висевшие на бревнах, мы увидели мальчиков, которые, задорясь друг перед другом бросали на море камешки. Эта игра состоит в том, что берут на берегу небольшой, кругловатый, вылощенный волнами камень; взявши этот

---

¹ Остия — город в устье Тибра, служил портом для Рима.

² Серапис (Сарапис) — древнее божество, культ которого получил распространение в IV в. до Р.Х. В Египте Сераписа сближали с Осирисом и Аписом. В римскую эпоху на Сераписа были перенесены черты ряда римских богов, и наметилась тенденция превратить его в единого бога.

камень между пальцами, наклоняются сколько можно ниже, почти до земли, и бросают его над поверхностью воды; камень или скользит и катится по воде, когда он слегка бросается, или же он рассекает сильные волны, погружается, и опять поднимается, если ему дан сильный толчок. Победа остается за тем из играющих, чей камень пролетает большое пространство и чаще выскакивает.

IV. Октавий и я забавлялись таким зрелищем, но Цецилий совершенно не обратил внимания на игры мальчиков, не смеялся при виде этого состязания: молчаливый, смущенный, в стороне от нас, он показывал на лице своем какой-то печальный вид.

— Что это значить? — спросил я его. — Отчего, Цецилий, я не узнаю твоей веселости? Где эта ясность, которая сияла в твоих глазах даже среди самых серьезных дел?

Цецилий отвечал:

— Меня сильно беспокоят и колют слова Октавия, которыми он упрекнул тебя в нерадении, а чрез это непрямо, но и тем сильнее обвинил меня в невежестве. Я не хочу на этом остановиться: я требую у Октавия объяснения дела. Если он согласится вступить со мною в спор, то узнает что гораздо легче спорить в кругу товарищеском, нежели рассуждать о предмете так, как рассуждают философы. Сядем на каменном валу, охраняющем купальни и вдающемся в море; здесь можем и отдохнуть от пути и свободнее вести спор.

Мы сели, как было сказано; мне, предложили занять место между Октавием и Цецилием не ради уважения или порядка или почета, ибо дружба всегда принимает и почитает всех наравне, но чтобы я как посредник был близко к тому и другому, удобно слышал слова и разделял спорящих. Тогда Цецилий начал говорить таким образом.

V. — Хотя, брат Марк, у тебя не остается никакого сомнения относительно предмета, о котором мы спорим, так как ты тщательно исследовал тот и другой род жизни и, осудив один, одобрил другой; но теперь ты должен верно держать весы правосудия и не склоняться по пристрастию на одну сторону, чтобы твое решение не было делом твоих личных чувств, а было основано на доводах спорящих. Итак, если ты будешь присутствовать при нашем споре, как будто человек совершенно новый и чуждый той и другой сторон, то легко будет доказать, что здесь, в делах человеческих все сомнительно, неизвестно, неверно и только более вероятно, нежели истинно. Не удивительно, что некоторые, не желая трудиться над открытием истины, скорее соглашаются с каким-нибудь мнением, нежели стараются о тщательном его исследовании. Тем более достойно негодования или соболезнования то, что некоторые, необразованные, невежды, чуждые понятия о самых простых искусствах, осмеливаются рассуждать о сущности

вещей и Божестве, о чем в продолжение стольких веков спорят между собою философы различных школ. В самом деле, ограниченности человеческого ума так далеко до познания Бога что ему недоступно ни то, что находится над ними на неб, ни то, что заключено в глубоких недрах земли; ему не дано это знать и постигать, и даже нечестиво пытаться проникать в эти тайны. По справедливости мы могли бы считаться довольно счастливыми, довольно благоразумными, если бы, следуя древнему изречению мудреца, больше занимались познанием самих себя. Но если предаваясь бессмысленному и напрасному труду, мы заходим гораздо далее, чем сколько позволяет нам наша ограниченность; если поверженные на землю, переносимся в своих дерзких порывах на самое небо, к самым звездам, то, по крайней мере, к этому заблуждению не станем придумывать еще пустых и страшных призраков. Все произошло из первоначальных элементов, существовавших в недрах природы: какой же тут творец Боге? Все части вселенной образовались, расположились одна подле другой и устроились от их случайного столкновения: какой же тут устроитель Боге? Огонь зажег звезды, образовал небо из своего вещества, утвердил землю посредством тяжести, привлек в море жидкости: к чему же религия, этот страх пред божеством, это суеверие? Человек и всякое животное, которое рождается, питается и дышит, суть не иное что, как произвольное соединение элементов, на которые как человек так и животное опять разрешаются, разлагаются и, наконец, исчезают: таким образом, все опять приходит к своему источнику, возвращается к своим началам без всякого художника, без распорядителя, без творца. Соединение элементов огня производить то, что различные светила всегда сияют над землею; вследствие того, что из земли поднимаются испарения являются облака; от сгущения сих последних происходят тучи; от падения этих туч идет дождь, дует ветер, падает град от столкновения различных туч происходит гром, удары, и блеск молнии. Эти молнии падают во всяком месте, ударяются в горы, в деревья; без разбора поражают храмы и дома, убивают порочных людей, не щадя часто и благочестивых. Что сказать об этих разнообразных неожиданных явлениях, которые без порядка, без разбора разрушают течение всего существующего? Во время кораблекрушения одинакова судьба добрых и злых без всякого разбора заслуг тех и других. В пожарах одинаково погибают невинные и преступные. Когда свирепствует в воздухе какая-нибудь губительная зараза, все умирают без разбора. Среди неистовств войны лучшие люди погибают скорее других. Во время мира порок идет рядом с добродетелью и даже бывает в почете; так что во многих случаях не знаешь, гнушаться ли пороками худых людей или завидовать их счастью. Если бы миром управляли провидение божественное и воля какого-нибудь божества, то никогда бы Фаларис и Дионисий ³ не удостоились бы царства, Рутиль и Камилл ⁴ не были бы наказаны ссылкой и

---

³ Фаларис (Фаларид) — жестокий тиран Агригента в Сицилии (VI в. до Р.Х.). Дионисий — тиран сиракузский (430–367 гг. до Р.Х.).

⁴ Рутиль Руф (кон. II-нач. I вв. до Р.Х.) — философ-стоик, политический и военный деятель. Отличался высокими личными качествами, однако был осужден на изгнание. Фурий Камилл (IV в. до Р.Х.) —

Сократ принужден умереть от яда. Вот покрытые плодами деревья, вот созревший хлеб, спелый виноград повреждаются дождем, побиваются градом. Или истина сокрыта во мраке неизвестности, или же, что всего вероятнее, всем управляет без всяких законов непостоянный своенравный случай.

VI. Когда, таким образом, повсюду встречаешь или решительный случай, или таинственную природу, то не лучше ли всего и почтеннее следовать урокам предков; как залогам истины, держаться преданной религии, почитать богов, которых родители внушили бояться прежде, чем мы ближе узнали их? Не следует нам рассуждать о богах, а должно верить предкам, которые в век еще простой и близки к началу мира, удостоились иметь этих богов благодетелями или царями. Мы видим, что во всех государствах, провинциях, городах народы имеют свои отдельные священные обряды, и почитают своих местных богов, например, элевзинцы Цереру ⁵, фригийцы Цибелу ⁶, эпидавряне Эскулапа ⁷, халдеи Бела ⁸, сирийцы Астарту, тавряне Диану ⁹, галлы Меркурия ¹⁰, римляне — всех этих богов. Власть и могущество римлян обнимает весь мир, простирается за пределы океана, далее путей солнечных, — за то, что они даже на войне показывают свою религиозность, укрепляют города построением храмов, учреждением непорочных дев ¹¹, предоставлением жрецам многих почестей; даже осажденные и заключенные в одном Капитолии, они чтут разгневанных богов, которых иной оставил бы давно в пренебрежении; безоружные, но вооруженные только благочестием, они проходят сквозь войска галлов, изумленных их необыкновенной смелостью ¹²; в упоении победы, в стенах вражеских они преклоняются пред побежденными божествами, ищут повсюду чужестранных богов и делают их своими, строят жертвенники даже неизвестным божествам. Таким образом, перенося к себе религиозные культы всех народов, Рим заслужил быть царем Мира. Отсюда религиозный строй, который непрерывно сохранялся и с продолжением веков не умалялся,

---

национальный герой Рима, но он был обвинен в присвоении военной добычи, приговорен к высокому денежному штрафу и сослан.

⁵ Церера — латинское имя греческой богини земли и плодородия Деметры, мистерии которой имели своим центром г. Элевзин.

⁶ Цибела — фригийская богиня, мать богов.

⁷ Эскулап (Асклепий) — древнегреческий бог-целитель, сын Аполлона. Главное святилище Асклепия было в Эпидавре.

⁸ Бел-Мардук — верховный бог вавилонян.

⁹ Геродот сообщает (IV, 103), что тавры, древние жители Крыма, почитали некую девственную богиню, которой приносили человеческие жертвы. Греки отождествляли ее с Артемидой, а римляне с Дианой.

¹⁰ Цезарь, описывая (в VI кн. "Записок о галльской войне") религию кельтов, называет главным богом их Меркурия, именем которого он обозначил, очевидно, ряд туземных богов, функции которых сходны были с функциями римского Меркурия.

¹¹ Имеются в виду весталки.

¹² По римскому преданию, во время осады Капитолия галлами некий Фабий Дорсуон, чтобы принести установленную жертву богам рода Фабиев, вышел из крепости, прошел безоружный через ряды осаждавших, совершил на Квиринале установленный обряд и вернулся в Капитолий.

но возрастал, ибо святость обрядов и священных учреждений тем более возвышается, чем они древние.

VII. Впрочем, я не боюсь признаться, что если и ошибаюсь, я предпочитаю мое заблуждение вашему. Не напрасно наши предки с таким тщанием наблюдали предсказания авгуров, обращались к гаданиям по внутренностям животных, воздвигали храмы, устраивали жертвенники. Посмотри в исторические книги: и ты узнаешь, как они совершали священные обряды всех религий, чтобы возблагодарить богов за их милость, или отвратить угрожающий божеский гнев или умилоствовать гнев, уже постигший своею яростью и казнями. Слова мои подтверждают — мать богов Идея¹³, которая по прибытии своем в Италии засвидетельствовала целомудрие одной римской женщины и освободила город от страха неприятелей; а также статуи, поставленные в честь двух братьев, на берегу озера, как они явились, когда на дымящихся и покрытых пеною конях возвестили о победе над Персеем в тот самый день, в который была одержана победа¹⁴. Свидетельствуюсь учреждением игр в честь разгневанного Юпитера, явившегося во сне одному человеку из плебеев¹⁵; свидетельствуюсь известным самоотвержением Дециев и Курция, бросившегося на своем коне в отверстие глубокой пропасти¹⁶. А наши презираемые гадания даже чаще, чем мы хотели, засвидетельствовали присутствие богов. От того-то имя реки Аллии¹⁷ так несчастно; предприятие Клавдия и Юния¹⁸ против карфагенцев было не столько сражением, сколько решительным поражением. Тразименское озеро обагрилось кровью римлян потому, что Фламиний презрел гадания авгуров¹⁹. Красс за насмешки над фуриями, заслужив их гнев, заставил нас выручать наши знамена у парфян²⁰. Не стану говорить о многочисленных событиях времен отдаленных, опущу также и песни поэтов

---

¹³ Идея (Idaea, по имени горы Иды) есть одно из названий Реи Цибелы. Культ Цибелы был введен в Риме в 204 г. Оракул предвещал Риму победу над карфагенянами, если священный камень богини будет перенесен из Пессинунта (во Фригии) в Рим. Когда корабль с камнем, прибыл в Остию, он плотно сел на мель. Тогда весталка Клавдия Квинта, над которой тяготело обвинение в нарушении целомудрия, помолилась богине и своим поясом сдвинула корабль; таким образом богиня засвидетельствовала невинность весталки.

¹⁴ По преданию, небесные близнецы Диоскуры (Кастор и Поллукс) помчались на конях возвестить о победе римлян над македонским царем Персеем в 168 г. до Р.Х.; у озера Ютурны они купали своих коней.

¹⁵ Тит Ливий (II,36) рассказывает, что в 490 г. до новой эры игры в честь Юпитера произошли при дурном предзнаменовании (по цирку прошел хозяин, который гнал перед собою закованного в колодку раба и сек его). Разгневанный Юпитер явился во сне плебею Латинию и потребовал вторичного празднования.

¹⁶ Согласно римской легенде, Курций в 362 г. до Р.Х., чтобы умилоствовать богов, принес себя в жертву, бросившись вместе с конем своим в пропасть.

¹⁷ Аллия — небольшая впадающая в Тибр речка, где римляне потерпели решительное поражение от галлов в 387 г. до Р. Х. Поражение объяснялось гневом богов.

¹⁸ Публий Клавдий Пульхер в 249 г. до Р.Х. понес жестокое поражение от карфагенского флота.

Рассказывают, что когда священные курицы, по которым гадали, отказались есть, он велел бросить их в море. Это кощунство и посчитали причиной поражения. В том же году другой полководец Юний Пулл потерял в походе против карфагенян весь флот. Эту неудачу также приписывали его религиозному нерадению.

¹⁹ В 217 г. до Р.Х. римское войско под командованием Кая Фламиния потерпело при Тразименском озере поражение от карфагенян.

²⁰ Лициний Красс в 53 г. до Р.Х. в войне с парфянами попал в ловушку, почти все его войско было уничтожено, а сам он был захвачен и убит. Захваченные парфянами знамена были отбиты лишь при Августе.

о рождении богов, их милостях и благодеяниях, пройду молчанием и предсказания оракулов, чтобы не показалась вам древность слишком баснословною. Обрати внимание на храмы и капища, которые служат вместе и украшением, и ограждением Рима. Они священны более тем, что в них присутствуют боги туземные или чужестранные, нежели тем, что они богаты драгоценными украшениями и дарами. Оттого близкие к Богу вдохновенные прорицатели и предсказывают будущее, предупреждают об опасностях, подают исцеление больным; надежду удрученным скорою, помощь бедным, утешение несчастным, облегчение трудящимся. Даже во время покоя ночного мы видим, слышим, узнаем богов, которых днем нечестиво отвергаем и ложно призываем в клятвах.

VIII. Итак, хотя природа и происхождение богов неизвестны нам, однако все народы согласно и твердо уверены в их существовании, так, что я не могу выносить такой дерзости, нечестивого безрассудства тех людей, которые стали бы отвергать или разрушать религию столь древнюю, столь полезную и спасительную. Пусть Феодор Киренский ²¹, или живший прежде его Диагор Мелийский ²², которому древность дала прозвание безбожника, не признавая никаких богов, пытались разрушить всякое благоговение, всякий страх, на котором зиждется человеческое общество; однако те философские системы, которые следуют этому нечестивому учению, никогда не будут пользоваться славой и уважением. Протагор Авдеритянин ²³ более дерзко, чем нечестиво рассуждавший о богах, был афинянами выгнан из их пределов, а сочинения его были ими публично преданы сожжению. И не должно ли глубоко сожалеть, — я надеюсь, что вы позволите мне в порыве негодования говорить с большею свободой, — не следует ли сожалеть о том, что дерзко восстают против богов люди жалкой, запрещенной, презренной секты, которые набирают в свое нечестивое общество последователей из самой грязи народной, из легковверных женщин, заблуждающихся по легкомыслию своего пола, люди, которые в ночных собраниях с своими торжественными постами и бесчеловечными яствами сходятся не для священных обрядов, но для скверностей. Это — люди скрывающиеся, бегающие света, немые в обществе, говорливые в своих убежищах! Они презирают храмы, как гробницы богов, отвергают богов, насмеваются над священными обрядами; милосердуют о бедных, если возможно, — сами полунагие пренебрегают почестями и багряницами жрецов. Удивительная глупость невероятная дерзость! Они презирают мучения, которые пред их глазами, а боятся неизвестного и будущего; они не страшатся смерти, но боятся умереть после

---

²¹ Феодор из Кирены (Северная Африка), философ IV в. до Р.Х., получивший прозвание Атеист.

²² Диагор Мелийский — поэт и философ V в. до Р.Х., последователь Демокрита. Отрицал богов и осуждал мистерии. За это он подвергся преследованиям, его сочинения были уничтожены.

²³ Протагор из Авдеры (V в. до Р.Х.) — софист. Считал, что человек не может познать свои разумом, существуют боги или нет.

смерти. Так обольщает их обманчивая надежда вновь ожить и заглушает в них всякий страх.

IX. Так как нечестие разливается скорее при помощи все более усиливающегося с каждым днем развращения нравов, то ужасные святилища этого нечестивого общества умножаются и наполняются по всему миру. Надо его совсем искоренить, уничтожить. Эти люди узнают друг друга по особенным тайным знакам и питают друг к другу любовь, не будучи даже между собою знакомы; везде между ними образуется какая-то как бы любовная связь, они называют друг друга без разбора братьями и сестрами для того, чтоб обыкновенное любодеяние чрез посредство священного имени сделать кровосмешением: так хвалится пороками их пустое и бессмысленное суеверие. Если бы не было в этом правды, то проникательная молва не приписывала бы им столь многих и отвратительных злодеяний. Слышно, что они, не зная по какому нелепому убеждению, почитают голову самого низкого животного, голову осла²⁴: религия достойная тех нравов, из которых она произошла! Другие говорят, что эти люди почитают <половые органы>²⁵ своего предстоятеля и священника, и благоговеют как бы пред действительным своим родителем. Не знаю, может быть все это ложно, но подозрение очень оправдывается их тайными, ночными священнослужениями. Говорят также, что они почитают человека, наказанного за злодеяние страшным наказанием, и бесславное древо креста: значит, они имеют алтари, приличные злодеям и разбойникам, и почитают то, чего сами заслуживают. То, что говорят об обряде принятия новых членов в их общество, известно всем и не менее ужасно. Говорят, что посвящаемому в их общество предлагается младенец, который, чтоб обмануть неосторожных, покрыть мукою: и тот обманутый видом муки, по приглашению сделать будто невинные удары, наносит глубокие раны, которые умерщвляют младенца, и тогда, — о, нечестие! — присутствующие с жадностью пьют его кровь и разделяют между собою его члены. Вот какою жертвою скрепляется их союз друг с другом, и сознание такого злодеяния обязывает их к взаимному молчанию. Такие священнодействия ужаснее всяких поруганий святыни. А их вечера известны; об этом говорясь все, об этом свидетельствует речь нашего Циртинского оратора²⁶. В день солнца они собираются для общей вечери со всеми детьми, сестрами, матерями, без различия пола и возраста. Когда после различных яств пир разгорится и вино

---

²⁴ Обвинение христиан в почитании головы осла, по словам Тертуллиана, распространено Тацитом, который в своей истории говорил об иудеях, будто иудеи, истомленные жаждою во время странствования в пустынях Аравии, нашли источник по указанию ослов и за то боготворили осла. Это мнение было распространено и на христиан, по смешению их с иудеями. (Тертуллиан. Апологетик. 16).

²⁵ В переводе о. П. Преображенского слова в скобках пропущены.

²⁶ Т.е. Корнелия Фронтона (ср. Октавий. 31), который был родом из Цирты в Нумидии и написал сочинение против христиан. Он был преподавателем латинской словесности у Марка Антонина и Луция Вера. Его сочинения недавно стали известны, после того как кардинал Май, открывший их в Амвросианской библиотеке издал в свет под заглавием *Corn. Frontonis opera inedita cum epistolis item ineditis Antonini Pii, M. Avreljii, L. Veri et Appiani*. Но в этих сочинениях нет речи против христиан.

воспламенит в них жар любострастия, то собаке, привязанной к подсвечнику, бросают кусок мяса на расстоянии большем, чем длина веревки, которою она привязана: собака, рванувшись и сделав прыжок, роняет и гасит светильник <под прикрытием темноты они сплетаются в страстных объятьях без всякого разбора>²⁷. Таким образом все они, если не самым делом, то в совести делаются кровосмесниками, потому что все участвуют желанием своим в том, что может случиться в действии того или другого.

Х. О многом я умалчиваю; потому что очень довольно уже и сказанного, а истинность всего или, по крайней мере, большей части этого доказывается самою таинственностью этой развратной религии. В самом деле, для чего же они всячески стараются скрывать и делать тайною для других то, что они почитают, когда похвальные дела совершаются обыкновенно открыто, и скрываются только дела преступные? Почему они не имеют никаких храмов, никаких жертвенников, ни общепринятых изображений? Почему они не осмеливаются открыто говорить и свободно делать свои собрания, если не потому, что то, что они почитают и так тщательно скрывают, достойно наказания или постыдно? Да и откуда, что такое и где этот Бог, единый, одинокий, пустынный, которого не знают ни один свободный народ, ни одно государство, или, по крайней мере, римская набожность? Только один несчастный народ иудейский почитал единого Бога, но и то открыто, — имея храмы, жертвенники, священные обряды и жертвоприношения, впрочем и этот Бог не имел ни какой силы и могущества так, что был вместе с своим народом покорен римлянами. А какие диковины, какие странности выдумывают христиане! Они говорят, что их Бог, Которого они не могут ни видеть, ни другим показать, тщательно следить за нравами всех людей, делами, словами и даже тайными помышлениями каждого человека, всюду проникает и везде присутствует: таким образом они представляют его постоянно беспокойным, озабоченным и бесстыдно любопытным, ибо он присутствует при всяких делах, находится во всяких местах, и оттого занятый всем миром не может обнимать, его частей или развлеченный частями, обращать внимания на целое. Но это еще не все: христиане угрожают земле и всему миру с его светилами сожжением, предсказывают его разрушение, как будто вечный порядок природы установленный божескими законами может превратиться, связь всех элементов и состав неба разрушиться, и громадный мир, так крепко сплоченный, ниспровергнуться.

XI. Но довольствуясь этим нелепым мнением, они прибавляют и другие старушечьи басни: говорят, что после смерти опять возродятся к жизни из пепла и праха: и с непонятною уверенностью принимают эту ложь; подумаешь, что они уже в самом деле воскресли. Двойное зло, двойное безумие! Небу и звездам, который мы оставляем в таком же виде, в каком их находим, они предвещают уничтожение, себе же — людям умершим, и

---

²⁷ В переводе о. П. Преображенского слова в скобках пропущены.

разрушившимся, которые как рождаются, так и умирают, обещают вечное существование. По этой-то причине, они гнушаются костров для сожигания мертвых и осуждают такой обычай погребения; как будто тело, если не будет предано огню, чрез несколько лет не разложится в земле само собою; и не все ли равно звери ли разорвут тело, или море поглотить его, в земле ли сгниет оно, или сделается жертвою огня? Всякое погребение для тел, если они чувствуют, есть мучение, а если не чувствуют, то самая скорость истребления их полезна. Вследствие такого заблуждения, они себе одним как добрым обещают блаженную и вечную жизнь по смерти, а прочим, как нечестивым, вечное мучение. Многие мог бы я прибавить к этому, если бы не спешил окончить мою речь. Нечестивцы они сами, — об этом я уже говорил и больше не стану. Но если бы даже я признал их праведниками, то по мнению большинства, судьба делает человека или добрым или порочным; в этом и вы согласитесь со мною. Ибо действия человеческие, который другие относят к судьбе, вы приписываете Богу; так последователями вашего учения делаются не все люди произвольно, но только избранные Богом; следовательно, вы делаете из Бога несправедливого судью, Который наказывает в людях дело жребия, а не воли. Однако я желал бы знать, без тела или с телом и с каким — новым или прежним воскреснет каждый из вас? Без тела? Но без него, сколько я знаю, нет ума, ни души, нет жизни. С прежним телом? Но оно давно разрушилось в земле. С новым телом? В таком случат, рождается новый человек, а не прежний восстанавливается. Но вот уже прошло столько времени, протекли бесчисленные века, а ни один из умерших не возвратился из преисподней, даже на подобие Протезея хотя бы на несколько часов, только для того, чтобы дать нам убедительный пример воскресения. Все это не иное что, как вымыслы расстроенного ума, нелепые мечты, облеченные лживыми поэтами в прелестные стихи; а вы легковверные не постыдились приписать вашему Богу.

ХII. Вы не пользуетесь опытом настоящего, чтобы убедиться в обманчивости своих напрасных надежд; подумайте, несчастные, пока еще живете, о том, что может ожидать вас по смерти. Большая часть из вас, притом лучшая, как вы говорите, терпит бедность, страдает от холода и голода, обременена тяжким трудом, и вот Бог допускает это или будто не замечает: Он не хочет или же не может помочь вам; значить, Он слаб или несправедлив. Не чувствуешь ли ты, мечтающий о будущей жизни после смерти, своего положения, когда тебя угнетают бедствия, жжет лихорадка, терзает какая-нибудь скорбь? Не чувствуешь ли тогда своей брэнности? Несчастный, все обличает тебя неволью в твоей слабости, и ты не признаешься. Но оставим говорить об общих бедствиях. Вот пред вами угрозы, пытки, казни и кресты, приготовленные уже не для того, чтобы вы им поклонялись, а для вашего распятия, огни, о которых вы пророчите и которых вместе боитесь: где же Тот Бог, Который не оказывает помощи живым, а помогает умершим возвратиться к жизни? И не без вашего ли Бога римляне достигли власти и господства над всем миром и над вами самими? Бы же между прочим,

удрученные заботами и беспокойством, чуждаетесь даже благопристойных удовольствий, не посещаете зрелищ, не присутствуете на праздниках наших, не участвуете в общественных пиршествах, гнушаетесь священных игр, жертвенных яств и вина. Так вы отвергаете наших богов и вместе боитесь их. Вы не украшаете своих голов цветами, не умащаете тела благовониями, — вы бережете умащения для погребения мертвых, — вы даже не украшаете венками гробниц: всегда бледные и запуганные, достойные жалости, впрочем со стороны наших богов. Несчастные, вы и здесь не живете и там не воскреснете. Но если в вас есть хоть несколько здравого смысла и благоразумия, перестаньте исследовать тайны и законы вселенной, оставьте небесные сферы; довольно для вас, людей грубых, невежественных, необразованных, и того, что находится под вашими ногами; кто не имеет способности понимать земное, человеческое, тому тем более не должно исследовать божеское.

ХIII. Если же у вас есть страсть к философствованию, то пусть каждый подражает, сколько можно, Сократу первому из мудрецов. Когда этому мужу предлагали вопросы о небесном, то он обыкновенно отвечал так: «что выше нас, то не касается нас»²⁸. По справедливости оракул засвидетельствовал превосходную мудрость Сократа, и Сократ сам чувствовал, что если он превознесен пред всеми, то не потому, чтоб он знал все, а потому что познал, что не знает ничего. Итак, в признании неведения заключается величайшая мудрость. Отсюда и получило свое начало умеренное сомнение Архезилая, Карнеада и очень многих академиков²⁹ относительно высших вопросов. Такой образ философствования безопасен для неученых и славен для ученых. Что же? Осторожность Симонида Милетского³⁰ не достойна ли нашего удивления и подражания? Когда тиран Гиерон спрашивал этого философа, что и как он думает о богах, то Симонид сперва потребовал у него день на размышление, по прошествии дня он выпросил два дня, потом еще два дня; когда же, наконец, Гиерон хотел узнать причину, такой медленности; Симонид сказал, что чем далее он предавался размышлению, тем темнее становилась для него истина. И по моему мнению, должно оставлять все сомнительное так, как оно есть; и, после того как столько и такие великие люди остаются в сомнении, не должно дерзко и безрассудно бросаться с своим мнением в другую сторону, чтобы не ввести нелепых басен или не уничтожить всякой религии.

---

²⁸ Об этом изречении Сократа упоминают Лактанций (О Божественных установлениях. III, 19) и блж. Иероним (Апология против Руфина. 8). См. Ксеноф. *Memorabil.*

²⁹ Академия в Афинах была учреждена Платоном. В середине III в. до новой эры во главе Академии стоял Архезилая, считавшийся основателем Средней академии. Карнеад (II в. до новой эры), основатель Третьей академии, развивая скептицизм Архезилая, доказывал недостоверность познания и чувственного восприятия.

³⁰ Симонид (VI — V вв. до Р.Х.) — греческий поэт. Жил при дворе Сиракузского тирана Гиерона.

XIV. Так говорил Цецилий, и улыбаясь, потому что вылившаяся из его речь охладила жар его негодования, присовокупил:

— Что на мои слова осмелится сказать Октавий из поколения Плавта ³¹, первый из хлебопеков ³² и последний из философов?

— Погоди торжествовать, — сказал я ему, — над Октавием. Не должно тебе ликовать своим красноречием прежде, нежели скажет свою речь и тот и другой из спорящих, тем более что ваш, спор идет не о славе, а об истине. Твоя речь живая и разнообразная весьма понравилась мне, но меня занимают другие соображения не о настоящем именно споре, но вообще об образе, рассуждения, ибо от таланта спорящих, от их красноречия часто изменяется положение самой очевидной истины. Это случается, как известно, вследствие легкомыслия слушающих, которые красотой слов отвлекаются от разбора самого дела и без рассуждения соглашаются со всем сказанным: они не могут отличить ложь от истины, не зная, что и в невероятном бывает истина, и в вероятном находится ложь. Чем чаще приходится им верить словам других, тем легче они поддаются влиянию ловких людей: так они постоянно обманываются по своему безрассудству. Вместо того, чтоб обвинять в этом слабость своего суждения, они жалуются на то, что все неверно, и осуждая все, готовы скорее все отвергнуть, чем рассуждать о предметах спорных. Итак, нам нужно остерегаться, чтобы не питать ненависти ко всем рассуждениям, как бывает со многими простыми людьми которые доходят до отвращения и ненависти ко всем людям, Люди слишком доверчивые попадают в ловушку тем, которые им кажутся хорошими людьми, потом узнав такую ошибку, они становятся подозрительными ко всем, и боятся даже, как худых людей, тех, кого могли бы считать хорошими людьми. Так как во всяком спорном деле, встречаются два обстоятельства: с одной стороны истина по большей части бывает темна, а с другой удивительная тонкость речи при обилии слов принимает вид основательного доказательства, то мы будем внимательны и, по возможности, тщательно взвесим то и другое для того, чтобы хотя и похвалить искусство, но избрать, одобрить и принять только истину. **XV.** — Ты, — сказал мне Цецилий, — не исполняешь долга справедливого судьи. Мне очень обидно, что при начале важного спора ты подрываешь силу моей речи, между тем как Октавий готовится только говорить.

— Если он может, — отвечал я, — пусть обдумывает ее; но замечания, за которые меня упрекает, я предложил для общей пользы, если не ошибаюсь, для того, чтобы по тщательном испытании произнести приговор, основываясь не на красоте речи, но на твердости самого дела. Но не следует

---

³¹ Плавт Тит Макций (ок. 254-184 до Р.Х.) — Римский комедиограф. Цецилий называет так Октавия иронически.

³² Возможно, намек на простоту христиан, которые по большей части были люди неученые, ремесленники и т. п.

более развлекать внимание твоею жалобою, а нужно в совершенном молчании выслушать ответ нашего Октавия, который уже с нетерпением ждет своей очереди.

XVI. — Я буду говорить, — начал Октавий, — сколько мне позволять силы; ты же должен соединиться со мной для того, чтобы правдивыми словами, как чистою водою смыть черные пятна поруганий на нас. Я не скрою, что еще с самого начала была мне заметна неопределенность и шаткость в мнениях любезного Цецилия, так, что трудно решить затмилась ли твоя ученость, или она пошатнулась вследствие заблуждения. То он говорил, что верит в богов, то выражал сомнение о них, так, что неопределенность его положения не дает твердой опоры для моего ответа. Я не верю, и не хочу думать, чтобы мой Цецилий позволит себе это с лукавым намерением: простота его характера не мирится с такою хитростью. Что же? Как незнающий истинной дороги останавливается в недоумении там, где одна дорога разветвляется на многие, и не решается ни признать все верными, ни выбрать какую-нибудь одну, так не имеющий твердого суждения об истине развлекается и колеблется в своих мыслях, когда в нем посеяно сомнение. И нисколько не удивительно, что Цецилий часто впадает в противоречия, и колеблется между мнениями противоположными одно другому. Чтобы этого более не было, я постараюсь его убедить и опровергнуть все его слова, как ни многообразны они. Как скоро будет утверждена и доказана одна истина, то не будет места сомнению и колебаниям относительно прочих. Мой брат высказал, что ему противно, возмутительно и больно то, что неученые бедные, неискусные (христиане) берутся рассуждать о вещах небесных; но он должен бы подумать, что все люди, без различия возраста, пола и состояния, созданы разумными и способными понимать, и что они не получили мудрость, как дар счастья, но носят ее в себе, как дар природы; что даже мудрецы или те, которые сделались известными, как изобретатели искусств, прежде чем приобрели себе славное имя своим талантом, считались людьми необразованными, неучеными, полунагими; что богатые, привязанные к своим сокровищам, привыкли больше смотреть на свое золото, чем на небо, а наши в своей бедности нашли истинное познание и научили других. Отсюда видно, что умственный дарования не достаются по богатству, не приобретаются чрез прилежание, а рождаются вместе с происхождением самого духа. Посему нет ничего возмутительного или прискорбного в том, что каждый занимается исследованием вещей божественных, образует свои мнения и высказывает их, так как дело состоит не в достоинстве исследующих, а в истине исследования. Далее, чем безыскусственнее речь, тем яснее доказательство, потому что оно не подкрашено блестящим красноречием и прелестью слова, но представлено в своей естественной форме по руководству истины.

XVII. Я вовсе не думаю противоречить Цецилию, который прежде всего старался показать, что человек должен познать себя и исследовать — что он

такое, откуда и почему произошел: сложился ли из элементов, или произошел от сцепления атомов, или всего лучше — он сотворен, образован и получил душу от Бога? Но мы не можем исследовать и познать человека, не исследуя всей совокупности предметов, потому что все так связно и находится в таком единстве и сцеплении, что если мы тщательно не исследуем божественной природы, то не поймем человеческой, точно так же как не можешь быть хорошим деятелем на гражданском поприще, если вполне не узнаешь этого общего всем гражданства мира. Притом же, главным образом, мы отличаемся от животных тем, что они, наклоненные и обращенные к земле, не способны видеть ничего другого кроме пищи; между тем как мы, имеем лицо обращенное вперед, и взор устремленный на небо, и будучи одарены способностью говорить и умом, посредством которого мы познаем Бога, чувствуем Его и подражаем Ему, — мы не должны, не можем не знать небесной красоты, так поражающей наши глаза и все чувства. Искать на земли того, что должно находить на высоте небесной, это самое оскорбительное святотатство. Те люди, которые думают, что весь этот благоустроенный мир не божественным разумом создан, а составился из известных частей, соединившихся между собою без всякой цели, те не имеют, мне кажется, ни разума, ни мысли, ни даже глаз. В самом деле, если только поднимешь взоры на небо и рассмотришь то, что под ним и на нем, то может ли быть что-нибудь яснее и достовернее той истины, что есть некоторое Существо превосходнейшего разума, которое проникает, движет, сохраняет и направляет всю природу. Посмотри на самое небо. Как широко оно раскинулось! Какое быстрое движение совершается там! Посмотри на него ночью, когда оно испещрено звездами, или днем, когда оно сияет яркими лучами солнца, и ты узнаешь, в каком удивительном, божественном равновесии держит его Верховный Управитель. Обрати внимание на то, как от движения солнца происходит год, и как луна, то прибывая, то убывая, измеряет месяцы. Но предоставим астрономам подробнее сказать о звездах, как они управляют движениями мореплавателей или определяют время сеяния и жатвы: все это не только не могло произойти, образоваться и придти в порядок без Верховного Художника, без совершеннейшего Разума, но даже не может быть воспринято, исследовано и постигнуто без величайшего усилия и деятельности разума. Что я скажу о столь правильно совершающихся переменах года и плодов? Не указывают ли нам на своего Виновника весна с своими цветами, летом с своими жатвами, осень с спелыми и приятными плодами и зима, изобилующая оливами? Легко расстроился бы такой порядок, если бы не поддерживался высшим Разумом. А какая предусмотрительность видна в том, что даны нам весна и осень с своей средней температурой, чтобы зима не томила нас только своим холодом, и лето не палило своим жаром, и что незаметны и нечувствительны переходы из одного времени года в другое! Обрати свое внимание на море — оно ограничивается законом берега! Посмотри, как все растения получают свою жизнь из внутренности земли. Посмотри на вечно волнующийся океан, на эти всегда струящиеся источники, на эти реки, никогда не

останавливающаяся в своем течении. Что сказать об этих правильно расположенных возвышениях гор, об извилинах холмов, об обширном протяжении равнин? Что сказать о разнообразии защиты животных друг против друга? Одни из них вооружены рогами, другие снабжены острыми зубами, третьи защищены копытами, четвертые имеют острое жало, одни укрываются скоростью своего бега, другие быстротою полета! Особенно же в красоте нашего образа открывается, что Бог есть художник: прямое положение, взор устремленный кверху, глаза помещенные высоко как бы на сторожевой башне и все прочие чувства, расположенные как бы в укреплении.

XVIII. Но не будем останавливаться на частностях; вообще должно сказать, что в человеческом составе нет ни одного члена, который не удовлетворял бы какой-либо нужде; и не служил бы к украшению, и, что всего удивительнее, при общем у всех нас виде, каждый имеет некоторые отличительные черты. Таким образом, все мы и похожи друг на друга, и вместе отличаемся один от другого. Что же сказать об образе рождения, о любви к чадородию? Не вложено ли это Богом? Груды женщины с приближением времени рождения наполняются молоком, и как младенец в утробе созревает по мере накопления молока! Бог печется не о целом только, но и о частях, Например, Британия имеет недостаток в солнце, но зато согревается теплотой моря, окружившего ее со всех сторон; река Нил умеряет сухость Египта; Евфрат удобряет почву Месопотамии: Инд, говорят, увлажняет и делает плодотворными страны Востока. Когда ты при входе в какой-нибудь дом видишь повсюду вкус, порядок, красоту, то конечно подумаешь, что им управляет хозяин, и что он гораздо превосходнее, чем все эти блага; подумай же, что и в доме этого мира, когда смотришь на небо и на землю, и находишь в них промышление, порядок и закон, есть Господь и Отец всего, Который прекраснее самых звезд и частей всего Мира. А когда нельзя сомневаться в Провидении, ты должен же исследовать, управляется ли небесное царство властью одного или произволом многих. И этот вопрос не трудно уяснить, когда размыслишь о земных царствах, которые суть образы небесного. Где царствование многих соправителей начиналось верностью и кончилось без кровопролития? Не говорю о персах, по ржанию коней гадающих о власти и опускаю баснословный рассказ о братьях фиванцах; весьма известна история о двух близнецах, споривших о том, кому из них владеть хижиной и пастухами; всем также известны войны между зятем и тестем; удел столь обширной власти был слишком мал для двоих. Далее, посмотри: один царь у пчел, один вожатый у овец, один предводитель у стада. Ужели же ты думаешь, что на небе разделена верховная власть и раздроблено полномочие этого истинного и божественного господства? Очевидно, что Бог, Отец всех вещей, не имеет ни начала ни конца; всему давая начало, Он Сам вечен; Он был прежде мира, Сам будучи для Себя миром. Он несущее вызвал к бытию Своим Словом, привел в порядок Своим разумом, совершил Своею силой. Его нельзя видеть, Он слишком

величествен; Его нельзя осязать; Он слишком тонок; Его нельзя измерить, Он выше чувств, бесконечен, неизмерим и во всем Своем величии известен только Самому Себе; наше же сердце слишком тесно для такого познания, и потому мы тогда только Его оцениваем достойно, когда называем Его неоцененным. Я скажу, как я думаю: кто мнит познать величие Божие, тот умаляет Его, а кто не хочет умалять Его, тот не знает Его. И не ищи другого имени для Бога: Бог — Его имя. Тогда нужны слова, когда надо множество богов разграничить отдельными для каждого из них собственными именами. А для Бога Единого имя Бог — выражает все. Если я назову Его отцом, ты будешь представлять Его земным; если назову царем, ты вообразишь Его плотским; если назову господином, ты будешь о Нем думать, как о смертном. Но откинь в сторону все прибавления имен и увидишь Его славу. И не на моей ли стороне всеобщее согласие? Я слышу, как народ простирая руки к Небу, никакого другого имени не употребляет кроме «Бога», говорить: «велик Бог, Бог истинен, если Богу угодно». Что это — естественная речь народа или слово верующего христианина? И те, которые хотят иметь верховным владыкою Юпитера, заблуждаются только касательно имени, но они согласны с нами о единства власти. Поэты также прославляют «единого Отца богов и людей» и говорят, что «такова душа у смертных, какую создал ее Отец всего».

XIX. Что может быть яснее и справедливее слов Мантуанского поэта Марона ³³, который говорит, что изначально разум приводит в движение, и дух животворить небо и землю и остальные части мира; отсюда произошел человеческий род, вед породы скота и все прочие животные. Потом в другом месте он этот разум и дух называет Богом. Вот собственные его слова: «Бог проникает всюду на земле, в море и в глубине небесной. От Него получают бытие и люди, и животные, от Него огонь и дождь». Не так же ли точно и мы называем Бога Умом, Разумом, Духом? Пересмотрим, если угодно, учения философов, и мы увидим, что все они, хотя в различных словах, но на самом деле выражают одну и ту же мысль. Я опущу тех простых и древних мужей, которые за свои изречения заслужили название мудрецов. Начну с Фалеса Милетского, который первый из всех начал рассуждать о вещах небесных. Он считал воду началом вещей, а Бога тем разумом, который образовал из воды все существующее. Мысль о воде, и дух слишком глубокая и возвышенная, чтобы могла быть изобретена человеком, — она предана от Бога. Видишь, как мысль этого древнейшего философа совершенно согласна с нами. Далее Анаксимен ³⁴ и после Диоген Аполонийский ³⁵ Бога считали воздухом бесконечным и неизмеримым. И мнение этих философов о божестве похоже на наше. Анаксагор представляет Бога бесконечным Умом. По Пифагору Бог, есть дух разлитый во всей природе, от которого получают

---

³³ Великий римский поэт Вергилий Марон (70–19 до Р.Х.), родившийся близ Мантуи. Автор «Энеиды».

³⁴ Анаксимен из Милета (VI в. до Р.Х.), ученик продолжателя философии Фалеса Анаксимандра.

³⁵ Диоген из Аполония — последователь Анаксимена.

жизнь все животные. Известно, что Ксенофан³⁶ считал Бога, бесконечным, имеющим разум, а Антисфен³⁷ говорил, что хотя много народных богов, но, собственно, главный Бог один. Спевзипп³⁸ признавал Бога одушевляющей силой, которая управляет всем миром. Что же Демокрит? Хотя он первый изобрел учение об атомах, однако, и он не называет ли Богом природу, посылающую образы предметов, и ум, их воспринимающий? Стратон³⁹ также называет природу Богом; и Эпикур, который представлял богов праздными, или вовсе не признавал их бытие, поставляет, однако, выше всего природу. Аристотель, хотя говорил различно, однако, всегда держался мнения о единой власти; ибо он называл Бога, то разумом, то миром, или же подчинял мир Богу. Гераклит Понтийский также приписывал Богу высший разум. Феофраст, Зенон, Хризипп и Клеанф⁴⁰, хотя расходились между собою в мнениях, однако единогласно признают единство Провидения. Клеанф называл божество то умом, то духом, то эфиром, то разумом. Наставник его Зенон говорить, что начало всего есть естественный и божественный закон, называемый то эфиром, то разумом. И когда он говорить, что Юнона есть воздух, Юпитер — небо, Нептун — море, Вулкан — огонь, и прочих богов подобным образом возводит к элементам, то обличает и сильно подрывает общее заблуждение. Точно также почти Хризипп считал Богом, то разумную природу, то мир, то неизбежную судьбу; он подражал Зенону, и в физиологическом изъяснении песней Гесиода, Гомера и Орфея. У Диогена Вавилонского мы находим целую систему для изъяснения рождения Юпитера, происхождения Минервы и прочих, — и выходит, что это — имена вещей, а не богов. Ученик Сократа Ксенофонт говорил, что образ бытия истинного Бога для нас недоступен и что посему не должно стараться его познать. Аристон Хиосский учил, что Бог непостижим. Оба они чувствовали величие Божие в самом отчаянии понять Его. Платон гораздо яснее и по содержанию и по выражению изложил свое учение о божестве, и его можно было бы принять за небесное, если бы только оно не было омрачено примесью народных убеждений. Так в Тимее Платон говорить, что Бог по самому Своему имени есть отец всего мира, творец души, создатель неба и земли; что Его трудно познать по Его необъятному и беспредельному могуществу, и если познаешь Его, невозможно то высказать публично. Это учение весьма сходно с нашим; ибо и мы признаем Бога, и называем Его отцом всего и никогда не говорим о Нем публично, разве только когда нас спрашивают о Нем.

XX. Я изложил мнения почти всех философов, которых лучшая слава в том, что они хотя, различными именами указывали единого Бога, так что иной подумает, что или нынешние христиане философы, или философы были уже

---

³⁶ Ксенофан — (VI-V вв. до Р.Х.) родоначальник элейской школы.

³⁷ Антисфен из Афин (IV в. до Р.Х.) — основатель школы циников.

³⁸ Спевзипп — возглавлял Академию после Платона.

³⁹ Стратон — (III в. до Р.Х.) — ученик Феофраста, перипатетик.

⁴⁰ Зенон (IV-III вв. до Р.Х.), Хризипп (280-209 до Р.Х.) и Клеанф (сер. III в. до Р.Х.) — философы-стоики.

тогда христианами. Если же мир управляется провидением и ведется волею единого Бога, то нам не должно впадать в общее заблуждение, и следовать невежеству древних, увлеченных своими баснями, ибо оно опровергнуто мнениями их же собственных философов, которым принадлежит авторитет и древности и разумности. Нации предки были так легковерны, что безрассудно верили разным странным выдумкам, каковы — Сцилла с многими телами, Химера в различных формах, Гидра возрождающаяся от нанесенных ран, Центавры — смесь человека с лошадью: вообще, что угодно было выдумать молва, то наши предки охотно слушали. Что же сказать о нелепых баснях — о превращениях людей в птиц и зверей, в деревья и цветы: если б это было когда-нибудь, то случилось бы и теперь, а так как это не может быть, то значить, никогда и не было. Подобную же неразборчивость, легковерие и невежественную простату наши предки оказали и в принятии богов: они воздавали благоговейное почтете своим царям, желали видеть их в изображениях, старались увековечить их память посредством статуй; и что было принято ради утешения, стало потом предметом священным. Наконец, прежде нежели открылись сообщения между странами земного шара, и народы стали заимствовать друг у друга обычаи и религиозные обряды, каждый народ почитал своего основателя или знаменитого военачальника, или целомудренную царицу, ставшую выше своего пола, или изобретателя какого-нибудь искусства, как достойного доброй памяти гражданина. Таким образом они и воздавали награду почившим, и подавали пример своим потомкам.

XXI. Читай сочинения историков или мудрецов, и ты согласишься в этом со мною. Эвемер показывает, что все божества суть люди обоготворенные за свои добродетели или благодеяния и рассказывает о времени их рождения, их отечестве, их гробницах, по разным землям, например Юпитере Критском, Аполлоне Дельфийском, Изиде Фаросской и Церере Элевзинской. Продик ⁴¹ говорил, что были возводимы в богов люди, которые во время своих странствований принесли людям пользу своими открытиями. Мнение Продика разделяет и Персей, который называет одними и теми же именами и открытые произведения земли и самых открывателей их, как это показывает изречение комика: «Венера вянет без Вакха и Цереры». Александр Великий, Македонский, в знаменитом письме к своей матери писал, что один жрец, утраченный его могуществом, открыл ему тайну, что боги не что иное, как люди, и что Вулкан был первый из обоготворенных людей, а после него того же удостоилось поклонение Юпитера, Обрати свое внимание на сестр ⁴² Изиды, превратившейся в ласточку; посмотри на могилу Озириса или Сераписа, члены которого были разбросаны; рассмотри, наконец, священные места, жертвоприношения и мистерии, и ты найдешь тут трагические развязки, смерть, погребения, рыдания и скорбь несчастных богов.

---

⁴¹ Продик с острова Кеос (V в. до Р.Х.) — греческий софист.

⁴² Сестр — металлическая гремушка у египтян, употребляется при служении Изиде для оплакивания пропавшего Озирдса.

Лишившись сына Изида предается скорби, плачет о нем, ищет его вместе с обстриженными жрецами своими и Кинокефалом ⁴³, и несчастные ее читатели также бьют себя в грудь и разделяют скорбь неутешной матери; но как скоро нашли младенца, Изида радуется, жрецы восторгаются, и виновник находки Кинокефал торжествует; таким образом они каждый год теряют то, что находят, и находят то, что теряют. Не смешно ли оплакивать то, что обожаем, обожать то, что оплакиваем? Этот культ, бывший некогда у египтян, ныне находится и у римлян. Так Церера, с зажженными факелами, со змеем. горестная и расстроенная, ищет там и сям свою дочь, Прозерпину похищенную внезапно и обещенную — вот и Элевзинские таинства. А каковы священные торжества в честь Юпитера? Коза — его кормилица, и он младенец похищается от жадного отца для того, чтобы он не пожрал его; корибанты производят шум кимвалами для того, чтобы отец не слышал крика младенца. А когда Цибела Диндимская, стыдно говорить, не могла склонить к прелюбодеянию с ней своего несчастного любимца, потому что была не красива и стала стара как мать многих богов, то оскопила его, чтобы сделать бога евнухом. Вот почему галлы и евнухи чтут ее искажением своего тела. Но это уже скорее мучения, а не священные обряды. Что же сказать о формах и внешнем виде ваших богов? Не выражается ли в них безобразие и отвратительность ваших богов? Вулкан — бог хромой и немощный; Аполлон столько веков безбородый; Эскулап с огромной бородой, несмотря на то, что сын юного Аполлона, Нептун с глазами светло-зелеными, Минерва с голубыми, Юнона с бычачьими глазами; Меркурий с крылатыми ногами, Пан с копытами, Сатурн с кандалами на ногах; Янус с двумя лицами как бы для того, чтобы ходить задом, Диана высокоподпоясанная охотница, Диана Ефесская имеет огромные груди, а Диана Тривия три головы и много рук. Далее, сам Юпитер ваш представляется то безбородым, то имеющим бороду, — называемый Аммон, имеет рога. Капитолийский — носит молнии, Юпитер Лациар — обогрел кровью, а к Юпитеру Феретрию нельзя подойти. Не буду говорить о множестве Юпитеров: столько чудовищ Юпитера, столько его имен. Эригона повешена на петле, как Дева между звездами, Касторы для того, чтобы жить, попеременно умирают; Эскулап, для того чтобы явиться богом, убивается громом, Геркулес сжигается этейскими огнями, чтобы не быть более человеком.

XXII. Вот басни и заблуждения, которые наследовали мы от невежественных отцов; и что всего тяжелее, они составляют предмет наших занятий, нашего изучения, особенно же песнопений поэтов, которые весьма много повредили истине своим авторитетом. И потому справедливо Платон знаменитого Гомера, прославленного и увенчанного, исключил из республики, которую он изобразил в своем сочинении. Ибо этот преимущественно поэт при описании троянской войны хотя и для забавы, вмешал ваших богов в события и дел а человеческие. Он разделил их на две спорящие стороны,

---

⁴³ Кинокефал или Анубис — египетский бог в виде человека с головою собаки, спутник и страж богов подобно греческому Меркурию.

ранил Венеру, связал, ранил и обратил в бегство Марса; рассказал о том, как Юпитер был освобожден Бриареем, чтобы его не связали другие боги; как он оплакал кровавыми слезами сына Сарпедона, которого никак не мог избавить от смерти, и как воспламенившись любовью сильнее, чем с другими любодейцами, предался сладострастию с женою Юноною. Здесь Геркулес убирает навоз, а Аполлон пасет скот Адмета; Нептун занимается построением стен Лаомедона и, несчастный строитель — не получает награды за свои труды; там на наковальне куется молния Юпитера вместе с оружием Энея, между тем, как молния существовала задолго еще до рождения Юпитера в Крите, и пламени настоящей молнии не мог сделать ни один циклоп, и ее не мог не страшиться и сам Юпитер. Что же сказать об избличенном прелюбодеемии Марса и Венеры, или об освященном на небе постыдном сладострастии Юпитера с Ганимедом? Все это передано для того, чтобы некоторым образом оправдать пороки человеческие. Такие и тому подобные выдумки и увлекательные басни развращают умы мальчиков, которые возрастают под впечатлениями таких рассказов и сохраняют их до самых зрелых лет, и несчастные состареваются в своих заблуждениях, не достигая истины, которая доступна только ищущим ее. Сатурна, родоначальника этих богов все писатели древности, как греческие, так и римские, выдают за человека. Это знают Непот и Кассий в своей истории, об этом говорят Талл и Диодор. Известно, что Сатурн, убежав из Крита от преследования своего разгневанного сына, прибыл в Италию и, принятый тут гостеприимным Янусом, будучи родом грек и образован, он научил здесь грубых и невежественных людей многому, например, искусству писать, делать монету и употреблять разные инструменты. Он назвал страну, давшую ему убежище, Лациум (Latium) потому, что он безопасно скрылся (latuit) в ней, а городу дал название Сатурнии по своему имени, равно как и Янус назвал город Яникул, чтобы оставить о себе память в потомстве. Итак, Сатурн как обыкновенный человек убежал, как человек скрывался; он отец человека, и сам также родился от человека. Он был выдан за сына неба и земли, потому что в Италии не знали его родителей, так и в настоящее время мы называем упавшими с неба людей, которых встречаем неожиданно, и называем сынами земли людей неизвестных и незнатных. Сын Сатурна Юпитер, по удалении своего отца, сделался царем в Крите; здесь он и умер, и оставил после себя детей; и теперь еще можно видеть пещеру Юпитера и его гробницу, и его человеческая природа избличается самыми священнодействиями в честь его.

XXIII. Бесплезно останавливаться на каждом из других богов в частности и говорить о всем ряде их поколения, ибо доказанная смертность их родоначальников перешла по порядку преемства в потомкам; но вы еще возводите в богов людей после их смерти. Так Ромул — бог по клятвопреступлению Прокула, и Юба, по желанию мавров, также бог, равно как и другие цари, которые обоготворены не потому, чтобы они были признаваемы богами, но в уважение заслуг их царствования. Им дают,

против их воли, название богов; они желают оставаться людьми; боятся и не хотят быть богами, хотя и находятся в старческом возраст. Боги не могут быть ни из умерших, ибо Бог не может умереть, ни из родившихся, потому что все, что рождается умирает; а существо божественное не имеет ни начала, ни конца своего бытия. Далее, если боги когда-нибудь родились, то почему они теперь не рождаются? Потому ли, что Юпитер состарился, Юнона стала неплодной, и Минерва поседела не родивши? Или не потому ли прекратилось это рождение, что ныне не дают никакой веры подобным выдумкам? Впрочем, если бы боги и могли рождаться, но не могли бы умирать; в таком случае богов было бы больше, чем рожденных людей, и небо и воздух не вмещали бы их, и земля не могла бы их носить. Таким образом ясно, что они были люди, о которых мы знаем, что они родились и умерли. Итак, будет ли кто-нибудь смущаться, видя, что народ публично молится и поклоняется священным изображениям этих богов; когда ум людей необразованных пленяется изящностью форм, сообщенных им искусством, обольщается блеском золота, сиянием серебра и белизною слоновой кости? И если бы кто-нибудь подумал, с какими истязаниями, какими инструментами обделывается всякий идол, то покраснел бы от стыда, что он боится вещества, которое обделывал художник, чтобы сделать бога. Бог деревянный — из какого-нибудь обрубка или кола обрубается, вытесывается, выстрагивается; а серебряный или золотой бог чаще всего делается из какого-нибудь нечистого сосуда, как было у египетского царя, выковывается кузнечными молотами и получает свою форму на наковальне; а каменный высекается, обтесывается и делается гладким руками грязного работника; такой бог не чувствует низости своего происхождения точно так же, как не чувствует почестей, воздаваемых ему вашим поклонением. Если камень или дерево или серебро не составляют бога, то когда же он делается им? Вот его отливают, обделывают, и высекают; это еще не бог; его спаивают свинцом, устраивают и воздвигают, и это еще не бог; вот его украшают, воздают ему почтение и молятся, — и он наконец, становится богом, когда уже человек захотел и посвятил его.

XXIV. И как ваших богов нанять по своему естественному инстинкту бессловесные животные? Мыши, ласточки, коршуны знают, что боги ваши не чувствуют; они гложут их, садятся на них и если не прогоняете, устраивают себе гнезда в самых устах вашего бога. Пауки ткнут на лице их свою паутину и с самой головы протягивают свои нити, вы же их обтираете, моете, скоблите: так заботитесь и вместе боитесь тех, кого вы сами делаете. Никому из вас не приходило на мысль, что прежде нужно познать Бога, а потом почитать Его; вы спешите безрассудно следовать примеру своих предков; вы хотите скорее соглашаться с ложными мнениями других, нежели верить себе, вы ничего не знаете о том, чего боитесь: вот от чего в серебре и золоте освящено корыстолюбие, бездушные статуи, благодаря своей форм, стали священными; вот отчего произошло римское суеверие. Если рассмотреть обряды этого богопочтения, то сколько найдем мы смешного, сколько

достойного жалости. Жрецы ваши некоторые ходят нагими в жестокий холод; а другие надевают одни шапки, носят на себе древние щиты, режут себе кожу, прося милостыню, и ходят с богами по деревьям. В одни капища можно входить однажды в год, а другие совсем запрещено видеть. Одно капище для мужчины, другое для женщины; при некоторых церемониях присутствие раба — ужасное преступление; на одни статуи возлагает венки женщина одномужная, на других — бывшая за несколькими мужьями, и с большим старанием изыскивают такую, которая могла бы насчитать у себя больше прелюбодеяний. Но это еще не все. Иной делает возлияния своею собственною кровью и умоляет бога ранами, которые наносить самому себе. Не лучше ли бы ему быть совершенным нечестивцем, чем религиозным в таком род? А тот, кто решился оскопить себя, не оскорбляет ли Бога, Которого думает, таким образом, умилоствовать? Ибо если бы Богу были угодны скопцы, Он Сам создал бы их. Кто не понимает, что эти люди больные, не имеющие здравого рассудка, находятся в гибельном заблуждении и доставляют себе опору во множестве увлеченных заблуждением? Ибо обыкновенная защита заблуждения — во множестве заблуждающихся.

XXV. Но ведь религия римлян, говоришь ты, положила основание их могуществу, увеличила, и утвердила власть римского народа, что он обязан своим величием не столько личной храбрости, сколько своему благочестию и религии. Да, пресловутая римская справедливость видно с самых первых времен основания государства. Не преступление ли соединило римлян, не неистовая ли жестокость дала им силу? Сначала Рим служил убежищем для всяких людей; туда стекались разбойники, злодеи, изменники, прелюбодеи, убийцы; и сам Ромул, их царь и правитель, совершил братоубийство, чтобы превзойти в злодеяния свой народ. Вот первые начатки благочестивого государства. Тотчас после сего Рим нагло похитил и обесчестил дочерей, из которых многие были уже обручены, и некоторых замужних женщин и потом затеял войну с их родителями, а своими тестями и пролил кровь своих родственников. Что может быть безнравственнее, бесчестнее наглее такой злодейской дерзости? Затем общим делом Ромула и последующих царей и вождей было соседей сгонять с их земли, разрушать окрестные города с храмами и алтарями, притеснять пленных, укрепляться посредством обид других и злодеяний своих. Все, что теперь римляне имеют, чем владеют и пользуются, — все это добыча их дерзости, все храмы их воздвигнуты из награбленного имущества, посредством разрушения городов, ограбления богов и умерщвления священников. Смешно то, что римляне принимают религию побежденных народов и после победы поклоняются пленным богам, потому что воздавать божеские почести тому, что захватил на войне, значить совершать святотатство, а не оказывать благоговение пред божеством. У римлян сколько победных торжеств, столько дел нечестивых, сколько взято трофеев у народов, столько сделано ограблений у богов. Итак, римляне сильны не потому, что религиозны, но потому, что безнаказанно совершили

святотатства. Они не могли иметь на войне своими покровителями тех богов, против которых поднимали оружие, и которым поклонялись уже по достижении своей цели, т. е. после победы. И что могли сделать для римлян те боги, которые были бессильны защитить против их оружия своих попечителей? Боги же собственно римские хорошо известны, — Ромул, Пик, Тиберин, Конс, Пилломн и Полломн. Таций изобрел Клоацину и стал ее обожать, Гостилий — Павора и Паллора; кроме сего не знаю кто-то обоготворил лихорадку (*febris*). Вот покровители Рима — суеверие, болезни и несчастья; между болезнями римлян и в числе богов, конечно, можно еще поместить распутных женщин: Акку Лаврентию и Флору. Эти-то боги, должно быть, помогли римлянам распространить свое государство и победить богов, которые почитались другими народами. Нельзя же предположить, чтоб им помогли против этих народов Марс Фракийский, Юпитер Критский, Юнона Аргосская или Самосская или Карфагенская, Диана Таврическая, мать богов Цибела, наконец египетские скорее чудовища, а не божества. Разве, быть может, они нашли у римлян более чистых дев, более благочестивых жрецов? Но не были ли наказаны очень многие девы, как за страшное преступление, за любодеяние, которое они совершали с мужчинами, конечно, без ведома Весты, а другие избегали наказания благодаря не большой чистоте своей, но более счастливому распутству? Где же как не в храмах и капищах, жрецы устраивают прелюбодеяния, торгуют честью женщин, придумывают любодеяния? Гораздо чаще в жилищах жрецов, чем в самых распутных домах, совершаются самые неистовые дела сладострастия. Между тем ассирияне, мидяне, персы, даже греки и египтяне прежде римлян по устройению Божию, долго владели царствами, не имея первосвященников, ни жрецов Цереры или Марса, ни весталок, ни авгугов, ни цыплят в клетке, которых бы аппетит или отвращение к пище управляли судьбами государства.

XXVI. Теперь я перехожу к римским гаданиям и предсказаниям, который ты так тщательно собрал и которых пренебрежете сопровождалось гибельными последствиями, а наблюдете — благополучными. По твоему, Клавдий Фламинский и Юний потому потеряли свои войска, что не рассудили дожидаться обычного топтания цыплят ногами. А Регул? Не наблюдал ли он авгугов, и, однако, взят был в плен? Точно также, Минцип хотя и уважил религиозный обычай попал во власть врага. Павел Эмилий при Каннах потерпел ужасное поражение, несмотря на то, что цыплята предвещали успех. Цезарь пренебрег гаданиями, который воспрещали ему отправиться в Африку прежде зимы, однако, он легко переплыл и победил. Что же сказать мне об оракулах? Амфиарай предсказал, что будет после его смерти, а не знал, что жена изменить ему за ожерелье. Слепой Тирезий предсказывал будущее, а не видал настоящего. Эней сочинил насчет Пирра ответы Аполлона Пифийского, между тем как Аполлон давно уже перестал говорить стихи, и этот оракул ловкий и двусмысленный прекратил свое дело с тех пор как люди стали менее легковверны и более образованны. И Демосфен, зная

поддельность ответов Пифии, жаловался, что она держит сторону Филиппа. Но, скажешь ты, эти гадания или оракулы иногда сбывались на деле. Я мог бы на это отвечать, что между множеством ложных предсказаний какое-нибудь из них могло случайно попасть на истину; но я обращаюсь к самому источнику лжи и заблуждения из которого произошел весь этот мрак, постараюсь глубже проникнуть в него и яснее показать его. Есть лживые нечистые духи, ниспадите с небесной чистоты в тину земных страстей. Эти духи лишились чистоты своей природы, осквернив себя пороками, и для утешения себя в несчастии — сами уже погибшие не перестают губить других, сами поврежденные стараются распространить губительное заблуждение, и отчужденные от Бога усиливаются всех удалить от Бога, вводя между людьми ложные религии. Что эти духи суть демоны, это знают поэты, это говорят философы, это признавал и Сократ, который принимался за дела иди откладывал их по внушению присутствовавшего при нем демона. Чародеи не только знают демонов, но и при помощи их совершают все свои проделки, похожие на чудо: по их внушению и влиянию; они производят свои чары, заставляют видеть то, чего на самом деле нет или наоборот не видеть того, что есть. Первый из таких магов по словам и делам своим Сосфен⁴⁴ с подобающим благоговением говорит об истинном Боге, признает ангелов, служителей и вестников истинного Бога, и представляет их присутствующими пред Его престолом в таком страхе, что они трепещут от манования, от взгляда Господа. Тот же маг говорит о демонах земных, блуждающих туда и сюда, враждебных человечеству. Платон, который почитал трудным делом найти Бога, без труда говорит об ангелах и демонах и пытался в своем разговоре «Пир» определить природу демонов: он думает, что она есть нечто среднее между существом смертным и бессмертным, т. е. между телом и духом, и состоит из соединения земной тяжести с небесною эфирностью и что от нее происходит в нас любовь, образуется в сердцах человеческих, возбуждает чувства, волнует наши желания и возжигает жар страстей.

XXVII. Итак, эти нечистые духи, демоны, о которых знали маги, философы и сам Платон, скрываются в статуях и идолах, которые по их внушению приобретают такое уважение, как будто в них присутствовало божество: они вдохновляют прорицателей, обитают в капищах, и действуют на внутренности животных, руководят полетом птиц, управляют жребиями, произносят смешанные с ложью прорицания. Они обманываются и обманывают то не зная истины, то когда знают, не открывая ее, чтобы не погубить себя. Они—то отвращают людей от неба к земли, и от Бога к веществу, возмущают человеческую жизнь, причиняют всем беспокойства, вселяясь тайно в тела людей, как духи тонкие, производят болезни, наводят страх на умы, искривляют члены, чтобы принудить людей почитать их, за то, что будто они, насытившись кровью жертв и запахом их мяса, исцелили тех,

---

⁴⁴ Вероятно, Остан, о котором упоминает Плиний (XXX, 1) и Августин (О крещении, против донатистов. I. VI).

кому перестали вредить. Они—то суть и те неистовствующие, которых вы видите на улицах, те прорицатели, которые вне храма так кружатся на земле, так волнуются, безумствуют. В них одинаково подстрекательство демона, различны только предметы неистовства. От них происходит то, о чем ты немного прежде говорил: Юпитер требующий во сне игр в свою честь, Касторы являющиеся на конях, лодка следующая за поясом матроны. И большая часть из вас знают, что сами демоны признаются в этом всякий раз, когда мы изгоняем их из тел заклинательными словами и жаром наших молитв. Сатурн, Серапис и Юпитер и прочие обожаемые вами демоны, удручаемые скорбью, высказывают, что такое они, даже в присутствии некоторых из вас, и не осмеливаются солгать для прикрытия своего бесславия. Поверьте этим свидетелям, которые истину говорят вам о себе, что они демоны: заклинаемые именем единого истинного Бога, они приходят в сильный трепет, и или тотчас оставляют тела одержимых ими или постепенно удаляются, смотря по вер страждущего или по желанию исцеляющего. Они страшатся приближения христиан, хотя издали нападают на них посредством вас в собраниях ваших. Они, овладевая умами невежественных людей и действуя на них страхом, стараются втайне возбудить против нас ненависть, ибо естественно ненавидеть тех, кого боимся, и сколько можно, вредить тем, кого страшимся. Так демоны овладевают умами и покоряют сердца людей и заставляют их ненавидеть нас прежде, нежели люди узнают нас. Это для того, чтобы они, узнавши нас, не стали нам подражать или, по крайней мере, не перестали нас гнать.

XXVIII. Как несправедливо вы поступаете, когда произносите суд о том, чего не знаете и не наследовали: поверьте нашему раскаянию, потому что мы и сами так делали, когда будучи прежде ослеплены и ничего не видя, одинаково с вами думали, будто христиане поклоняются чудовищам, едят мясо младенцев и в своих собраниях предаются разврату; мы не понимали, что все это басни, пущенные демонами, никогда неисследованные, ничем недоказанным, что столько времени не находилось человека, который бы заявил об этом, хотя бы и мог рассчитывать не только на прощение за свое преступление, но и награду за свое открытие; и такова невинность христиан, что они не стыдятся и не краснеют, когда их за то осуждают, но жалеют только о том, что раньше не были такими. Какие-нибудь святотатцы, кровосмесники, даже отцеубийцы находили в нас защитников и покровителей; а относительно христиан, мы не думали вовсе выслушивать их; иногда же, когда у нас появлялась к ним жалость, мы еще сильнее мучили их, чтобы пытками принудить их отказаться от своего исповедания, и избавить их от смерти, и в отношении к ним мы действовали так не для того, чтобы добиться истины, но чтобы принудить ко лжи. И если кто-нибудь послабее, побежденный болью и мучениями пыток, отрекался от своего христианства, то мы делались к нему благосклонными, как будто, отказавшись от имени христианина, он этим отречением заглаживал все свои проступки. Не видите ли, что мы думали и делали то же самое, что теперь

думаете и делаете вы? Между тем, если бы разум, а не внушение демонов, руководил нашими суждениями, то надлежало бы принуждать христиан не отречься от своего имени, но признаться в распутств, в безнравственных обрядах, в умерщвлении младенцев. Такие–то басни демоны нашептывают в уши невежественных людей, чтобы поселить в них к нам страх и отвращение. И это не удивительно: так как человеческая молва, которая всегда питается выдумками, истощается как скоро обнаружится истина, то демоны всячески стараются выдумывать и распространять ложные слухи? Здесь и источник той молвы, о которой ты говорил, будто христиане воздают божескую честь ослиной голове. Кто же столько глуп, что станет почитать такую вещь. Кто же так бессмыслен, чтобы верить этому почитанию? Разве вы, которые почитаете целых ослов в стойлах с вашей богиней Епоной; которые так благочестиво пожираете ослов вместе с Изидой; которые закаляете и почитаете головы волов и баранов, которые, наконец, ставите в храмах богов представляющих смесь человека с козлом, с лицом льва и собаки? Не обожаете ли вы вместе с египтянами и быка Аписа? И вы не отвергаете и их священнодействий в честь змей, крокодилов и других зверей, рыб и птиц, из которых если кого–либо убьет кто, наказывается смертью. Те же египтяне, а также многие из вас столько же боятся Изиды, сколько и остроты луковиц, столько же страшатся Сераписа, сколько неприличных звуков, выходящих из тела человека. Далее изобретатель другой нелепой басни <который рассказывает о поклонении мужским членам священников>⁴⁵ старается только взнести на нас то, что бывает у них. Это более идет к бесстыдству тех людей, у которых всякий пол совершает любоддеяния всеми членами своего тела; где полное распутство носить название светскости; где завидуют вольности распутных женщин, где сладострастие доходить до отвратительной гадости <qui medios viros lambunt, libidinoso ore inguinibus>. Где у людей язык скверен даже тогда, когда они молчат, где, появляется уже скука от разврата прежде чем стыд. О, ужас! люди развратные совершают такие дела, которых не может вынести самый нежный возраст, к которым не может быть принуждено самое тяжкое рабство.

XXIX. О таких и тому подобных бесстыдных делах, нам не позволено слушать, и многие считают низким даже защищаться по их поводу. А вы выдумаете на людей чистых и целомудренных то, чему мы и не варили бы, если бы вы сами не представляли тому примеров. Что же касается до того, что вы упрекаете нас в обожании преступного человека и его креста, то вы очень далеки от истины, когда думаете, чтобы преступник заслужил или простой человек мог почитаться Богом. Поистине, тот достоин сожаления, кто все свои надежды возлагает на смертного человека (ср. Иер 17:5; Пс 145:3), потому что со смертью его прекращается и вся помощь с его стороны. Египтяне же в самом деле выбирают себе человека; которому воздают божеские почести, ему одному молятся, к нему обращаются за советом, в

---

⁴⁵ В переводе о. Петра Преображенского фраза в скобках пропущена.

честь его заколают жертвы, и он будучи для других богом, для себя самого невольно есть человек. Ибо он не может обмануть свою совесть, хотя обманывает других. Низкое ласкательство не ограничивается тем, чтобы воздавать почтение царям и владыкам, как великим и избранным людям, что совершенно прилично, но дает им имена богов, между тем как для доблестного мужа честь составляет истинную награду, а для доброго любовь — самую приятную дань. Призывают этих людей как богов, преклоняются пред их статуями, возносят молитвы их гению, т. е. демону, и считают более безопасным делать ложную клятву именем Юпитера, нежели своего царя. Мы не почитаем крестов и не желаем их ⁴⁶. Вы, может быть, имея деревянных богов почитаете и деревянные кресты, как составные части ваших божеств. Но самые знамена ваши и разные знаки военные что иное, как не позлащенные и украшенные кресты? Ваши победные трофеи имеют вид не только креста, но и распятого человека. Естественное подобие креста мы находим в корабль, когда он несется распустивши паруса или подходить к берегу с простертыми веслами. Точно также ярем, когда его подвяжете, похож на крест; и человек, когда он распростерши руки, чистым умом возносит молитву к Богу, представляет образ креста. Итак, изображение креста находится и в природе, и в вашей религии.

XXX. Желал бы я встретиться с тем, кто говорит или думает, что у нас христиан принятие в наше общество совершается посредством умерщвления младенца и его крови. Неужели ты можешь поварить, чтобы столь нежное молодое тело подвергалось ужасным ранам, чтобы кто-нибудь решился умертвить столь недавнее существо, которое едва может назваться человеком, пролить его кровь и пить? Этому никто не может поверить, кроме разят, того, кто сам может осмелиться это сделать. Вы, я знаю, бросаете новорожденных детей на съедение зверям и птицам, или же предаете несчастной смерти посредством удушения. Некоторые женщины у вас приняв лекарства, еще во чреве своем уничтожают зародыш будущего человека и делаются детоубийцами прежде рождения дитяти. И к таким действиям располагают вас уроки ваших богов; ибо Сатурн не бросил, но пожрал своих детей. Посему в некоторых странах Африки родители приносят ему в жертву своих младенцев, ласками и поцелуями стараясь прекратить их плач, чтобы жертва закалалась без плача. У жителей Тавриды близь Понта и у египетского царя Бузириса существовал обычай приносить в жертву гостей, а галлы приносили Меркурию человеческие и не человеческие жертвы. Римляне ради жертвы живыми зарывали в землю мужчину и женщину из греков и мужчину с женщиною из галлов; и теперь еще они почитают Юпитера Ляциара человекоубийством и, что вполне прилично сыну Сатурна, он насыщается кровью человека нечестивого и злодея. Я думаю, что у этого бога научился Катилина заключать кровью

---

⁴⁶ Эти слова Октавия о кресте выражают то, что христиане не поклоняются кресту так, как представлял это Цецилий, т. е. как язычники поклоняются своим идолам), а сами не ищут быть распятыми на кресте, хотя не отказываются страдать за свою веру.

договор с своими сообщниками, Беллона требовал для возливания на ее жертвенник крови человеческой; другие научились врачевать падучую болезнь кровью человека, т. е. большим злом. Не менее сих виновны и те, которые употребляют в пищу животных, которые на арене обрызгались человеческой кровью или насытились человеческим мясом. Что же касается нас, нам не позволено и видеть человекоубийства, ни даже слышать о них; а пролить человеческую кровь мы так боимся, что воздерживаемся даже от крови животных, употребляемых нами в пищу.

XXXI. И эта басня о безнравственных пиршествах наших есть также изобретение демонов, пущенное в ход для того, чтобы славу нашего целомудрия запятнать позором отвратительного бесчестия и чрез то отдалить от нас людей, прежде чем они могли их исследовать истину. Об этом и твой Фронтон говорить не как свидетель, утверждающий то что видел, но как оратор, бросивший укоризну. Скорее — это появилось у вас язычников. У персов смешение с матерью считается делом дозволенным, у египтян и афинян законом допущено супружество с сестрами. Ваши истории и трагедии, которые вы читаете и слушаете с удовольствием, богаты примерами кровосмешения, и боги, которых вы почитаете, также кровосмесники, соединявшиеся с своими матерями, дочерьми и сестрами. И не удивительно, что у вас часто открывается кровосмешение и всегда допускается. Несчастные, вы даже по неведению можете впасть в это преступление, потому что бросаетесь на всякую женщину, повсюду сеете детей своих, и рожденных дома часто бросаете, рассчитывая на чужое сострадание; необходимо вам по незнанию напасть на вашу кровь, на тех, которые от вас родились. Таким образом вы сами кровосмесники сплетаете на нас эту басню, вопреки свидетельству вашей совести. А у нас целомудрие не только в линий, но и в ум; мы охотно пребываем в узах брака, но только с одною женщиною, для того, чтобы иметь детей, и для сего имеем только одну жену или же не имеем ни одной. Собrania наши отличаются не только целомудрием, но и трезвенностью; на них мы не предаемся пресыщению яствами, не услаждаем пира вином; самую веселость мы умеряем строгостью, целомудренною речью и еще более целомудренными движениями тела. Очень многие отличаются всегдашним девством своего неоскверненного тела, и этим не тщеславятся; наконец, мы так далеки от кровосмешения, что некоторые стыдятся даже законного сокоупления. Хотя и отвергаем ваши почести и пурпуровые одежды, однако же, не состоим из низшей черни; нельзя считать нас заговорщиками, потому только, что мы все имеем в виду одну добродетель, и в своих собраниях ведем себя также тихо, как каждый порознь; наконец, нельзя выдавать нас за охотников болот в тайных местах, когда вы стыдитесь или боитесь слушать нас публично. Если число наше со дня на день все возрастает, это не обличает нас в заблуждении; но служить в нашу похвалу: прекрасный образ жизни заставляет каждого быть ему верным навсегда и привлекает посторонних. Наконец мы узнаем друг друга не по знакам телесным, как вы думаете, но по невинности и

скромности; мы питаем между собою взаимную любовь, что для вас прискорбно, потому что ненавидеть не научились, а называем друг друга братьями, что для вас ненавистно, как дети одного Отца Бога, как сообщники веры, как сонаследники упования. Вы же не знаете друг друга; питаете взаимную ненависть и не признаете себя братьями, разве только когда затеваете отцеубийство.

XXXII. Думаете ли вы, что мы скрываем предмет нашего богочтения, если не имеем ни храмов, ни жертвенников? Какое изображение Бога я сделаю, когда сам человек правильно рассматриваемый, есть образ Божий? Какой храм Ему построю, когда весь этот мир, созданный Его могуществом, не может вместить Его? И если я человек люблю жить просторно, то как заключу в одном небольшом здании столь великое Существо? Не лучине ли содержать его в нашем ум, святить Его в глубине нашего сердца? Стану ли я приносить Господу жертвы и дары, которые Он произвел для моей же пользы, чтобы подвергать Ему Его собственный дар? Это было бы не благодарно, напротив угодная Ему жертва доброе сердце, чистый ум и незапамятная совесть. Посему, кто чтит невинность, тот молится Господу; кто уважает правду, тот приносит жертву Богу; кто удерживается от обмана, топ. умилоствует Богу; кто избавляет ближнего от опасности, тот заколает самую лучшую жертву. Таковы наши жертвы, таковы святилища Богу; у нас тот благочестивее, кто справедливее. Но, говоришь ты, Бога, Которого чтим, мы не можем ни видеть, ни показать другим; да, мы потому и веруем в Бога, что не видим Его, но можем Его чувствовать сердцем. Ибо, во всех делах Его, во всех явлениях мира мы усматриваем присносущную силу Его, которая проявляется и в раскатах грома и в блеске молний и ясной тишине неба. Не удивляйся, что ты не видишь Бога. Все приходит в движение и сотрясение от ветра и его веяния, но ветер и веяние не видны для глаз. Мы не можем видеть даже солнца, которое для всех служить причиною видения: его лучи заставляют глаза закрываться и притупляют взор зрителя, и если ты подольше посмотришь на него, то совсем потеряешь зрение. Как же ты можешь видеть Самого Творца солнца, источник света, когда ты отворачиваешься от блеска солнца, прячешься от его огненных лучей? Ты хочешь плотскими глазами видеть Бога, когда не можешь собственную твою душу, чрез которую живешь и говоришь, ни видеть, ни осязать! Но ты говоришь — Бог не знает действий человеческих и, находясь на небе, не может не обнимать всех, ни знать каждого порознь. Ошибаешься, человека, и говоришь ложь! Каким образом Бог далек от нас, когда все небесное и земное, и все находящееся за пределами этого видимого мира, все известно Богу, все полно Его присутствия? Он повсюду и не только близок к нам, но и находится внутри нас. Обрати внимание опять на солнце, утвержденное на неб: оно разливает свои лучи по всем странам: всюду оно присутствует, всему дает себя чувствовать и никогда не изменяется его светлость. Не тем ли более Бог творец всего и всевидец, от Которого ничто не может быть тайно, находится во тьме, находится и в помышлениях наших, которые суть

как бы тьма. Мы не только все делаем пред очами Бога, но; так сказать, и живем с Ним.

XXXIII. Мы вовсе не думаем хвалиться нашею многочисленностью: нам кажется, что нас много, но для Бога нас слишком немного. Мы различаем племена и народы, но для Бога весь этот мир есть один дом. Цари о всем в своем именно царстве знают чрез своих министров; Бог не имеет нужды в этих посредниках; мы живем не только пред Его очами, но и в Его недр. Ты говоришь, что иудеям ни мало не помогло то, что они почитали единого Бога и Ему с величайшим усердием воздвигали храмы и жертвенники. Но великое заблуждение, если ты, забыв или не зная прошедших событий, остановишься только на последующих. Когда иудеи чисто и благоговейно чтили нашего Бога, Который есть Бог всех, когда они повиновались Его спасительным повелениям, тогда из малого народа они сделались бесчисленным, из бедного богатым, из рабов царями; тогда немногочисленные, безоружные, они по повелению Божию и при содействии стихий погубили многочисленное войско, которое преследовало их в бегстве. Прочитай их Писания, или если тебе более нравятся римские писатели, то обойди древних и обрати внимание на сочинения Иосифа Флавия или Антонина Юлиана об иудеях: ты узнаешь, что такой участи, они заслужили своим нечестием и что с ними ничего не случилось, что не было бы им предсказано наперед, если они будут упорствовать в нечестии. Ты узнаешь, что они оставили Бога прежде, чем были Им оставлены; и что не вместе с Богом своим они были побеждены, как ты говоришь неприлично, но Богом были преданы врагам.

XXXIV. Относительно сгорания, если вы не верите или с трудом верите, чтобы внезапно сошел огонь с неба, то вы разделяете народное заблуждение. Кто из философов сомневается, кто не знает, что все рожденное умирает и все получившее начало имеет конец; что и небо со всем, что на нем находится, должно разрушиться, так как получило начало? Стоики всегда утверждали, что весь этот мир, лишившись влаги, истребится посредством огня; точно также и эпикурейцы думают о воспламенении элементов и разрушении мира. Платон говорить, что части мира разрушаются попеременно то от наводнения, то от воспламенения, и хотя он признавал мир вечным и неразрушимым, однако прибавляет, что его может разрушить только Бог, Создатель его. И нисколько не удивительно, если эта громада будет разрушена Тем, Кем она устроена. Ты видишь, что философы рассуждали также, как говорим и мы: но не мы подражаем им, а они заимствовали некоторую тень истины из божественных предсказаний пророков. Так, славнейшие из философов, прежде всего Пифагор и особенно Платон, передали вам в неполном и поврежденном виде учение о продолжении жизни после смерти. Ибо по их мнению одни души, по разрушении тела, продолжают существовать вечно, и неоднократно переходят в другие новые тела. К большому искажению истины, они утверждают, что души людей по смерти переходят в тела скотов, птиц,

зверей, — мнение более приличное шуту забавляющему, нежели мыслящему философу. Впрочем, для моей цели довольно того, что и относительно этого предмета ваши философы некоторым образом согласны с нами. В самом деле, кто же столько глуп и бессмыслен, что осмелится говорить, что Бог, Который мог первоначально создать человека, не может потом воссоздать его? Что человек не существует по смерти как не существовал до рождения? Если он мог произойти из ничего, то может опять восстать из ничтожества. Далее гораздо труднее дать бытие тому, что не существовало, нежели возобновить то, что уже получило его. Думаешь ли ты, что исчезает и для Бога что-нибудь, как скоро скрывается от слабых очей наших? Всякое тело — обращается ли оно в пыль или влагу, в пепел или пар, исчезает для нас, но Бог сохраняет его элементы. Мы вовсе не боимся, как вы думаете, какого-либо вреда от сожигания покойников, но держимся древнего и лучшего обыкновения зарывать умерших в землю. Посмотри также на то, как вся природа, к нашему упованию, внушает мысль о будущем воскресении. Солнце заходит и вновь появляется; звезды скрываются и опять возвращаются; цветы увядают и расцветают; деревья после зимы снова распускаются; семена не возродятся, если прежде не сгниют; так и тело на время (ср. Ин 12:24; 1 Кор 15:36), как деревья за зиму, скрывает жизненную силу под обманчивым видом мертвенности. К чему это нетерпеливое желание, чтобы оно ожило, когда еще зима в полной силе? Нам также нужно дожидаться весны нашего тела. Я знаю, что очень многие, сознавая, что они заслужили, не столько убеждены в том, что уничтожается после смерти, сколько желают этого; потому что им приятнее совершенно уничтожиться, чем воскреснуть для мучений. Их заблуждение возрастает и от их собственной распущенности в жизни и от долготерпения со стороны Бога; но чем более Он медлит своим судом, тем строже суд. **XXXV.** Впрочем, ваши ученые в сочинениях и поэты в стихах своих говорят об огненном потоке и пламенном болоте Стикса, которые предназначены для вечного мучения людей, так как они знают об этом по указаниям демонов и изречениям пророков. Вот почему у них сам царь Юпитер благоговейно клянется пылающими берегами и мрачною пропастью; ибо он предчувствует мучения, которые ожидают его вместе с его читателями, и боится. Этим мучениям нет никакого предела и никакой меры. Там разумный огонь сожигает и возобновляет члены тела, истощает и питает их; подобно тому, как блеск молнии касается тела, но не убивает, как огни Везувия и Этны и всех земных вулканов горят никогда не угасая; так и огонь, назначенный для наказания, поддерживается не с тем, чтоб истреблял сожигаемых им, но питается неистощимыми мучениями человеческих тел. Никто, кроме разве нечестивца, не сомневается, что незнающие Бога заслуживают такого наказания за свою нечестивую и порочную жизнь, потому что не знать Отца и Владыку всего есть не меньшее преступление, как и оскорблять Его. Хотя незнание Бога влечет за собою наказание, а знание Его служить к получению прощения, однако, если нас христиан сравнить с вами, то хотя некоторые из нас по жизни своей и ниже нашего учения, все-таки мы окажемся и гораздо лучше

вас. Ибо вы запрещаете прелюбодеяние, но совершаете его, а мы знаем только своих жен: вы наказываете за содеянные преступления, а у нас и помышлять о них грех; вы боитесь сторонних свидетелей, а мы даже одной своей совести, без которой не можем быть. Наконец, тюрьмы переполнены вашими, а христианина там нет ни одного, кроме судимого за свою религию или же вероотступника.

XXXVI. Пусть никто не ищет в судьбе утешения или оправдания себе. Что бы ни делала судьба, у человека душа свободна и в нем судится его действие, а не внешнее положение. И что иное судьба как не определение Божие о каждом из нас? Бог предвидит будущее и сообразно с свойствами и заслугами каждого из людей определяет и судьбы их. Таким образом, Он наказывает не по такому, или другому рождению, а по свойству нравственных расположений. Но довольно теперь говорить о судьбе; в другое время мы займемся рассуждением об этом с большей полнотой и подробностью. А что мы по большей части слышем бедными — это не позор для нас, а слава, потому что душа как расслабляется от роскоши, так укрепляется от умеренности. Да и как может быть беден тот, кто не имеет недостатка, не жаждет чужого, кто богат в Боге? Скорее беден тот, кто имея многое, домогается еще большего. Я скажу, как думаю: никто не может быть так беден, как он родился. Птицы живут без всякого наследства от родителей, и каждый день доставляет им пищу, однако, они сотворены для нас. Мы владеем всем, коль скоро ничего не желаем. Как путешественнику тем удобнее идти, чем меньше он имеет с собою груза, так точно на этом жизненном пути блаженнее человек, который облегчает себя посредством бедности и не задыхается от тяжести богатств. Если бы мы считали их полезными, то просили бы их у Бога, и Он, без сомнения, мог бы нам дать сколько-нибудь, потому что все принадлежит Ему. Мы лучше хотим презирать богатство, нежели владеть им; мы более стремимся к невинности сердца, более желаем терпения, более стараемся быть добрыми, нежели расточительными. А что мы чувствуем недостатки тела, и терпим их, — это не наказание, а принадлежность нашего воинствования. Ибо мужество укрепляется немощами, и несчастье бывает часто школою добродетели. Наконец, силы душевные и телесные расслабляются, если не упражняются в подвиг; и все ваши храбрые мужи, которых вы ставите в образец, претерпели много бедствий, прежде чем достигли славы. Посему не думайте, чтобы Бог не был силен помочь нам или оставил нас, ибо Он управляет всем и любить Своих; но Он подвергает каждого несчастью для испытания; Он смотрит на его нравственное расположение в опасностях и следить до последнего вздоха за волею человека, зная, что у Него ничто не может погибнуть. Таким образом, мы испытываемся несчастьями, как золото огнем.

XXXVII. Какое прекрасное зрелище для Бога, когда христианин борется с скорбью, когда он твердо стоит против угроз, пыток и казней, когда он смеется над страхом смерти и не боится палача; когда он сохраняет свою

свободу пред царями и владыками и преклоняется только пред Богом, Которому он принадлежит; когда он, как торжествующий победитель, смеется даже над тем, кто приговорил его к казни! Ибо тот победитель, кто достиг чего домогался. Какой воин в глазах полководца не будет смело идти на встречу опасности? Никто не получает награды, если не будет испытан и признан ее достойным; и, однако, полководец не дает, чего не в силах дать, — он не может продлить его жизнь, а может только воздать честь воинскому мужеству. Но воин Божий не оставлен среди страдания, не гибнет среди смерти, и христианин может только казаться несчастным, но не быть таким. Вы сами возносите до небес героев несчастья, например, Муция Сцеволу, который, промахнувшись убить царя, непременно погиб бы среди неприятелей, если бы не сжег на огне правой руки. А сколько из наших христиан претерпели без малейшего стона сожжение не руки только, но всего тела, между тем как, если бы захотели, могли бы избавиться от страданий? Я сопоставлю своих мужчин с Муцием, или Аквилием, или Регулом; но у нас не только мужчины, даже отроки и женщины наши, вооружившись терпением в страданиях, презирают ваши кресты, пытки, зверей и все ужасы казней. И вы не понимаете несчастные, что никто не захотел бы без причины подвергать себя казни, никто не мог бы без божественной помощи вынести такие мучения. Но, может быть, вас обольщает то, что, и не зная Бога, многие изобилуют богатствами, пользуются почестями, обладают могуществом? Несчастные! Они возвышаются для того, чтобы глубже пасть: это жертвы, которые откармливаются для заклания, украшаются цветами для умерщвления. Некоторые из вас достигают вершины власти и могущества для того только, чтобы злоупотреблять данною им властью и удовлетворять своим прихотливым страстям. Да и может ли быть счастье без знания Бога, когда подобно сну, это счастье улетает прежде чем его схватят. Царь ли ты? Сам столько же боишься, сколько тебя боятся, и хотя тебя окружает большая свита, — ты одинок в опасности. Богат ли ты? Опасно полагаться на фортуна; больше запасы для краткого пути жизни составляют не подспорье, но тяжелое бремя. Ты хвалишься тем, что ходишь в пурпуровой одежде и пред тобой носят пуки прутьев с секирою? Но нелепое заблуждение, бессмысленное почитание своего достоинства — блистать багряницею и быть грязным душою. Ты славишься своею знатностью, хвалишься доблестями своих родителей? Но все, мы родимся равными, одна добродетель только отличает нас. Итак, мы, которые ценим себя только по невинности и добрым нравам, справедливо гнушаемся худых удовольствий, удаляемся от ваших торжеств и зрелищ: мы знаем их суеверное происхождение и осуждаем их гибельные приманки. Кто не ужаснется, видя до какой степени доходить безумство народа на играх курульских? В битвах гладиаторов не преподаются ли уроки человекоубийства? На театрах ваших такое же неистовство, такое же возмутительное безобразие: то актер рассказывает или представляет любодеяния, то комедианта представляя, постыдную любовь, возбуждает ее и в ваших сердцах. Тот же комедианта бесславит ваших богов, изображая их прелюбодеяния, их вздохи, их вражды,

или выражая своими минами и жестами печаль, вызывает у вас слезы. Таким образом вы поощряете действительное убийство на арене, а потом проливаете слезы при виде мнимого убийства на театр.

XXXVIII. Что касается до того, что мы не едим жертвенного мяса и не вкушаем жертвенного вина, это не есть выражение нашего страха, а доказательство нашей свободы ⁴⁷. В самом деле, всякое произведение природы как ненарушимый дар Божий, не оскверняется никаким употреблением, но мы воздерживаемся от ваших жертв, чтобы кто не подумал, будто мы уступаем демонам, которым они были принесены, или стыдимся нашей религии. Кто может подумать, что мы пренебрегаем цветами, которыми дарить нас весна, когда мы скрываем розы и лилии и все другие цветы приятного цвета и запаха? Их мы раскидываем перед собою для благоухания, из них сплетаем венки себе на шею. А что мы не кладем этих венков на свои головы, то извините нас: мы имеем обыкновение нюхать запах хороших цветов обонянием, а не верхушкою головы и волосами. Мы не кладем венков и на умерших; я даже удивляюсь вам, зачем вы сжигаете умершего, если он чувствует; если же не чувствует, зачем украшаете венками. Цветы блаженному вовсе не нужны, а несчастному не доставят радости. Мы совершаем погребение с тою простотою, какая видна и в нашей жизни. Мы не кладем на покойника венков, которые скоро увядают, но надеемся получить от Самого Бога венцы из цветов неувядающих. Скромно, с упованием на милосердие Божие мы живем надеждой будущего блаженства, по вере в величие Божие, открываемое в настоящей жизни. Таким образом мы и воскреснем для блаженства и теперь живем счастливые созерцанием будущего. Пусть Сократа, афинский говорун, громко признается, что он ничего не знает, хотя и хвалится внушением самого живого демона; пусть Аркезилай, Карнеад, Пиррон ⁴⁸ и все множество академиков предаются сомнению; пусть Симонид все отсрочивает время для решения данного ему вопроса. Мы презираем гордость философов, которые, как мы знаем, были люди развращенные, прелюбодеи, тираны, которые так красноречиво говорили против пороков, которыми сами были заражены. Мы представляем мудрость не во внешнем виде, а в душе нашей; мы не говорим возвышенно, но живем так; мы хвалимся тем, что достигли того, чего те философы со всем усилием искали и не могли найти. Зачем нам быть неблагодарными? Чего нам желать более, когда в наше время открылось познание истинного Бога? Будем пользоваться нашим благом, будем держаться правила истины; да прекратится суеверие, да посрамится нечестие, да торжествует истинная религия!

XXXIX. Когда Октавий кончил свою речь, мы с Цецилием несколько времени в молчаливом удивлении смотрели на него. Что касается собственно

---

⁴⁷ Ср. 1 Кор 8.

⁴⁸ Пиррон (умер около 270 г. до Р.Х.), — скептик, но не принадлежавший к Академии. Он довел скептицизм до абсурда, до сомнения в самом сомнении.

меня, то я был сильно изумлен искусством, с каким он изложил доказательства, примеры и свидетельства на истины, которые легче чувствовать, нежели высказывать, — отразил врагов теми же стрелами философов, которыми они сами вооружаются, и представил истину не только удобопонятною, но и благоприятною.

XL. В то время как я в молчании передумывал это с самим собою, Цецилий воскликнул:

— Я от всего сердца поздравляю Октавия, а также и себя самого, и не дожидаясь решения нашего судьи. Мы оба победили; и я по справедливости приписываю себе победу; ибо Октавий победил меня, а я одержал победу над заблуждением. Что касается до сущности вопроса, то я исповедую Провидение, покоряюсь Богу и признаю чистоту религиозного общества, которое отныне будет и моим. Остается еще несколько недоумения, не противоречащих истине, но которые нужно разъяснить для полного вразумления моего. Но об них удобнее будет поговорить на свободе завтра, а теперь солнце уже склоняется на запад.

XLI. — А я — сказал я в свою очередь — даже более всех вас радуюсь тому, что Октавий одержал победу, потому что он избавил меня от неприятной необходимости произносить приговор. И я не в силах воздать достойной хвалы его речи. Свидетельство человека и при том одного человека недостаточно. Самая лучшая награда ему от Бога, Который вдохновил его слово и даровал ему силу к победе.

После сего радостные и веселые мы отправились в путь; Цецилий радовался тому, что уверовал, Октавий — что разрушил его заблуждения; а я обращению Цецилия и победе Октавия.

После сего радостные и веселые мы отправились в путь; Цецилий радовался тому, что уверовал, Октавий — что разрушил его заблуждения; а я обращению Цецилия и победе Октавия.